

Л.П. Карсавин

**Основы средневековой религиозности в XII-
XIII веках преимущественно в Италии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Л11

Л11 **Л.П. Карсавин**
Основы средневековой религиозности в XII-XIII веках преимущественно в Италии / Л.П. Карсавин – М.: Книга по Требованию, 2024. – 374 с.

ISBN 978-5-458-55938-6

ISBN 978-5-458-55938-6

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

- съ людьми и дѣти демоновъ (68—70). Бѣсы въ жизни чловѣка (70); ихъ видъ (70—71), мѣсто-пребываніе (71), количество (71—72) и дѣятельность (72). Ужасное и отвратительное въ демонахъ (72—73). Житейски-комическія черты демоновъ и добродѣтельные бѣсы (73—74). Религіозное значеніе комическихъ чертъ въ бѣсахъ (74—75). Вѣра въ духовъ, христіанская традиція, языческая традиція и религіозное творчество (75—79). Христіанизация духовъ и превращеніе ихъ въ бѣсовъ (79). Начатки дуализма (80). Противорѣчія въ католической традиціи (80).
3. Относительная блѣдность святыхъ, пришельцевъ въ метафизическомъ мірѣ и помощниковъ (81—82). Помощь святыхъ людямъ (82). Специализация святыхъ (82—83). Патроны (83—84). Демоны и святые въ отношеніи ихъ къ людямъ (84—85). Оживленіе святыхъ въ связи съ проникновеніемъ ихъ въ жизнь людей (85—86) и въ связи съ земной жизнью святого и религіозными идеалами (86—87). Дѣва Марія (87—88).
  4. Метафизическій міръ (89—90) и ангелы: архангелъ Михаилъ (90). Богъ и проявленія Его воли въ земной жизни (90—92). Богъ и духи, какъ мистическія причины явленій (92). Богъ христіанъ (93—94). Богъ—покровитель церкви, отдѣльных народовъ и городовъ (94). Упрощеніе и очеловѣченіе Божества въ религіозности. Богъ и Христосъ (95—96). Разныя пониманія Божества и аморальное о Немъ представленіе (96—97). Богъ—«il giusto Signore» (97—99).
  5. Хаосъ и попытки систематизации религіозности (100). Дуалистическое осмысленіе ея (100—101). Дьяволъ и борьба его съ Богомъ въ католической традиціи (101—104). Дьяволъ и дьяволы, ослабленіе дуализма (104—105). Иерархизованное царство Дьявола и политеистическій дуализмъ (105—106). Чистый дуализмъ (106). Системы религіозности (107). Богъ правды и зло (107—108).

Выходъ въ систему моральнаго дуализма (108—109). Катарство (109—110). Неудовлетворенность дуализмомъ, попытки монотеизма и ихъ трудности (110—111).— Попытки монотеистическаго пониманія Дьявола и бѣсовъ и ихъ неудачи (111—113).

6. Смѣшеніе метафизическаго міра съ реальнымъ и сознаніе личности второго (114—115). Законосообразность реального міра и понятіе чуда (115—118). Обнаруженіе законосообразности реального міра въ предсказаніяхъ, гаданіяхъ и примѣтахъ (118—120). Идея рока (120—121). Обнаруженіе необходимости «*corso di natura*» въ астрологіи (121—122), въ связи съ представленіемъ о свободномъ взаимодействіи метафизическаго міра съ реальнымъ и съ человѣческой дѣятельностью (122—124). Міропорядокъ и Божество (124). Міропорядокъ и религіозная дѣятельность (124—125). Колебанія въ отношеніи къ астрологіи (125). Попытка примиренія Божества съ міропорядкомъ въ деизмѣ и его неудовлетворительность (125—126). Компромиссное рѣшеніе проблемы (126—127). Стремленіе использовать міропорядокъ и значеніе астрологіи (127—129).
7. Метафизическія связи объектовъ и явленій міра (130). Флоренція и статуя Марса (130—131). «Совпаденія» явленій и знаменія (132—133). Символизмъ и строй міра (133—136). Религіозная исторія человѣчества (136—137). Эсхатологія (137—138). Божественный міропорядокъ (138). Идея предопредѣленія (138—140).
8. Мистика, оживляющая культъ (141—142) и религіозныя идеи (142). Обостреніе мистикой религіозности (142). Стремленіе къ Божеству и отрицаніе мистикой культа (142—143). Отраженіе Божества во внѣшнемъ мірѣ и возможность новаго оживленія культа (143—144). Божій міропорядокъ и обожествленіе міра (144—145).

Преображеніе и обезволиваніе челоуѣка въ мистикѣ (145—146). Освященіе и обожествленіе въ мистикѣ (146—148), въ связи съ пантеизмомъ (148—149). Свободный челоуѣкобогъ (149). Мистика въ религіозности (149—150). Мистика и традиція религіозности (150). Значеніе и цѣнность мистическаго знанія (150—152). Традиція въ мистикѣ (152—153).

9. Элементы вульгарной догмы и ихъ систематизаціи (154—159).

III. Основы религіозной дѣятельности . . . . . 161—290

1. Религіозная дѣятельность и ея систематизація (162). Идея спасенія души (162—164). Рай, адъ и смерть (164—166).
2. Религіозность дѣятельности. Угожденіе метафизическому міру и обращенныя къ нему просьбы о помощи (167—168). Договоры и обѣты (168—169). Исполненіе воли и желаній метафизическихъ существъ (169—170). Необходимость истинной вѣры и *fides implicita* (170—174). Вѣра—даръ Божій (174). Вѣра—подвигъ и заслуга (174—175). Добрыя дѣла и вѣра (175—176). Значеніе вѣры-морали (177). Различеніе вѣры и добрыхъ дѣлъ (177—178). Заключительныя замѣчанія (178—179).
3. Идея спасенія въ связи съ противопоставленіемъ неба землѣ (180). Небесное царство и тщета міра (180—181). Ничтожество челоуѣка (181—182). Символическое пониманіе міра (182). Цѣль земной жизни, какъ отказъ отъ міра (182—183). Привлекательность міра (183—184) и оправданіе его символизмомъ и мистикой (184—185). Борьба съ міромъ и плотью, ихъ опасности и моральныя основы дуализма (186—188). Отрицаніе міра, какъ отрицаніе богатства, и «мѣра возможности» (188—189). Духовное пониманіе идеала бѣдности (189—190). Значеніе и самоцѣн-

ность внѣшней бѣдности (190—192) и ея одухотвореніе (192—193). Различныя пониманія идеала бѣдности (193—194). Плоть, ея значеніе и борьба съ ней (194—195). Умѣренное пониманіе идеала «чистоты» и трудность его осуществленія (195). Гордыня, другіе пороки и средства борьбы съ ними (195—196). Отрицательное и положительное въ идеалѣ праведности (196—197). Умѣренное пониманіе моральнаго идеала (197—200) и недостаточность его (200—201). Основныя черты и противорѣчія дѣятельно-религіознаго, въ частности моральнаго идеала (201—204).

4. Эгоистическія черты моральнаго идеала (205—206). Любовь, состраданіе, гастрономія аскезы и агонистика (206—208). Внѣшнее пониманіе каритативнаго идеала, особенно въ связи съ идеей грѣха (208—211). Борьба съ нимъ и колебанія (211). Духовная помощь ближнимъ (211—212).
5. Потребность во внѣшнемъ законѣ (213). Законъ Божій и евангелизмъ (214—215). «Precepta» и «consilia» въ Евангеліи и религіозности (215—216). Значеніе «примѣровъ» (216—217) и подражаніе Христу и святымъ (217—218). Пониманіе подражанія въ свѣтѣ традиціи (218—219). Непосредственное подражаніе и религія Христа (219—222). Подражаніе Христу въ связи съ другими сторонами идеала (222).
6. Различныя стороны дѣятельно-религіознаго идеала и необходимость обращенія къ мистикѣ (223—228).
7. Состояніе покоя, какъ идеалъ мистика, и религіозная дѣятельность (229—231). Дѣятельная мистика (231—232). Оправданіе, освященіе и обожествленіе человѣка въ мистикѣ (232—233). Мистическое оживленіе идеи грѣха и грѣховности въ связи съ идеей благодати (234—236). Святость и праведность (236—237). Божественныя вліянія и благодать въ культѣ (237—238). Мистика и религіозная дѣятельность (237—239).

8. Магическія средства воздѣйствія на метафизическій міръ (240). Молитва, какъ магическое средство (240—243). Культурныя формулы (243). Сакраментальныя жесты и акты (244—245). Процессіи, мессы, исповѣдь, милостыни (245—246). Заклинанія и внѣкультовая магія (246—247). Магія въ культѣ и внѣ его (247). Магическіе объекты (247—248).
9. Магія и маги (250—259). Мощи и магическая сила святого (254—255). Праведность и святость (255—256). Святые и священники (256—257).
10. Маги и святые (258). Необходимость клира (258—260), въ связи съ сакраментальнымъ его характеромъ и поставленіемъ (260—261), въ связи съ духовнымъ руководствомъ мірянами (261). Исповѣдь и проповѣдь, какъ сферы моральнаго вліянія клира (261—263). Идеаль святости священства въ средѣ клира и мірянъ (263—264).
11. Благочестивые пастыри и отношеніе къ нимъ (265—266). Омірщеніе клира (266—267). Эксцессы омірщенія (267—268). Кляръ и міръ (268—269). Борьба внутри клира (269—270). Моральный уровень и моральная оцѣнка клира (270—272). «Реформаторы», міръ и церковь (272—273). Міряне и кляръ (273—274). Бытовая и религіозная борьба съ клиромъ (275). Идеаль клирика и отношеніе къ священнику въ связи съ евхаристіей (275—276). Попытки и неудачи соединенія въ идеаль клирика моральной и мистической сторонъ религіозности (276—281).
12. Идея церкви. Церковь — кляръ (282). Паденіе церкви, нападки на нее; идеаль церкви, попытки реформъ и исканіе истинной (282—284). Расширеніе понятія церкви въ вальденствѣ и ортодоксіи. *Congregatio baptizatorum* (284—285). Необходимость церкви—клира (285—286). Расширеніе понятія церкви въ мистикъ, у іахитовъ,

амальриканъ, ортлибаріевъ и въ пантеизмѣ
(286—287). Новое ограниченіе его (287—288).
Идея церкви въ широкомъ и узкомъ смыслѣ, какъ
основная идея религіозности (288—290).

IV. Заключение.	291—306
Примѣчанія	307—353
Списокъ цитованныхъ сокращенно изданій и трудовъ	353—360

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Исторія средневѣковой религіозности, важной не только въ себѣ и для себя, но и для уразумѣнія средневѣковыхъ богословія, догмы и ереси, нуждается въ предварительномъ осуществленіи двухъ другихъ задачъ: въ опредѣленіи понятія «религіознаго фонда» или «средняго религіознаго человѣка» и, во вторыхъ, въ основанномъ на этомъ понятіи изученіи той эпохи, которую условно можно принять за предѣлъ развитія средневѣковой религіозности. Первый шагъ къ этому сдѣланъ авторомъ въ «Очеркахъ религіозной жизни въ Италіи XII — XIII вѣковъ», непосредственнымъ продолженіемъ и завершеніемъ которыхъ является предлагаемая вниманію читателя книга. Во введеніи къ ней пришлось еще разъ вернуться къ понятію «средняго человѣка», такъ какъ за протекшее отъ изданія «Очерковъ» время авторъ убѣдился въ томъ, что казавшееся ему естественнымъ и самоочевиднымъ нуждается въ болѣе обстоятельномъ, можетъ быть—даже минуціозномъ разъясненіи.

Только понятіе «религіознаго фонда» можетъ связать другъ съ другомъ по видимости обособленныя и даже противорѣчивыя движенія. Только оно даетъ надежду на успѣхъ искателю общаго въ религіозности, какъ бы скромны и ограничены ни были хронологическіе и территоріальныя предѣлы его работы. Благодаря понятію «средняго человѣка» можно приступить къ синтезу явленій духовной культуры и до известной степени преодолѣть или обезвредить опасности синтезирующей работы. «La seule forme correcte du procédé synthétique d'exposition, замѣчаетъ по поводу аналогичныхъ задачъ французскій историкъ Ш. Ланглюа, serait un tableau des conclusions qui se dégagent de la comparaison de tous les textes, préalablement recueillis et classés par espèces de faits». Ланглюа,

а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ тѣ, выразителемъ мнѣнія которыхъ онъ является, видимо предполагаетъ, что можно собирать, классифицировать и сопоставлять факты или тексты, не обобщая и не синтезируя ихъ, что можно въ работѣ историка обособить обособляемые лишь логически, да и то условно и неявно, операціи. На самомъ же дѣлѣ всякое чтеніе текста уже является его толкованіемъ и обобщеніемъ, всякая классификація и всякое сопоставленіе, синтетической работой. «Синтезъ» создается и опредѣляется самъ собою въ процессѣ «аналитической» работы, съ самыхъ первыхъ ея моментовъ. Онъ существуетъ гораздо раньше, чѣмъ историкъ формально приступитъ къ нему, и направляетъ анализъ въ той же степени, въ какой самъ имъ направляется. Въ томъ и трудность исторической работы, что въ ней практически неосуществимо обособленіе подготовительныхъ стадій ея, и всѣ сочиненія, ставящія себѣ цѣлью «собираніе» или «классификацію» матеріала, уже синтезъ, болѣе или менѣе замаскированный и безсознательный. «Faire passer sous les yeux du lecteur quelques documents datés et certains dans leur teneur originale... en y joignant les avertissements convenables» не значитъ еще воздержаться отъ синтеза, выражающагося въ выборѣ и распыляемаго въ «avertissements». Работы марбургскихъ романистовъ и самого Ланг-луа по существу не менѣе претенціозны, чѣмъ «l'essai, forme rapide et dangereuse de synthèse». А поэтому онѣ могутъ быть признаны подготовительными лишь условно, требуютъ къ себѣ болѣе осторожнаго отношенія, чѣмъ плохо изданный или сомнительный источникъ, и не въ состояніи подготовить синтезъ для когонибудь другого, кромѣ ихъ автора.

Синтезъ всегда былъ и будетъ дѣломъ индивидуальнымъ и субъективнымъ, субъективнымъ осмысленіемъ реально воспринятаго. Слѣдовательно, надо поставить изслѣдователя и критика въ положеніе, по возможности облегчающее выдѣленіе субъективныхъ сторонъ труда и ихъ оцѣнку. А это недостижимо, если база синтеза широка и корни его уходятъ въ необозримый и разсѣянный матеріалъ или въ частныя синтетическія построенія. Такимъ путемъ мы возвращаемся къ понятію «средняго человѣка», которое позволяетъ утверждать, что существо духовной культуры даннаго періода выражено распространенными и крупными явленіями. База изслѣдованія благодаря этому суживается и становится доступной критикѣ и само-

критикъ, и центръ тяжести ложится не на разсѣянный матеріаль, а на матеріаль ограниченный и сосредоточенный, около котораго естественно группируются разбросанныя въ источникахъ указанія.

Для религіозности Италіи въ XII—XIII вѣкахъ эту задачу авторъ попытался выполнить въ двухъ своихъ книжкахъ, изъ которыхъ вторая лишь объединяетъ, систематизируетъ и расширяетъ отрывочно высказанное въ первой. Приведенные въ примѣчаніяхъ тексты и ссылки только подкрѣпляютъ и пополняютъ аргументацію «Очерковъ» и безъ нея были бы недостаточны. Авторъ ожидаетъ недовѣрчиваго отношенія къ своему построенію и упрековъ въ произвольности. Но его построение должно было быть, если не произвольнымъ, то субъективнымъ, какъ и всякое другое, и на это онъ шелъ, выпуская въ свѣтъ свою книгу, шелъ не изъ самонадѣянности или самомиѣнія, а потому, что знаетъ мѣсто индивидуальной работы и вѣритъ въ плодотворность и важность коллективныхъ усилій. Они же мыслимы лишь путемъ индивидуальныхъ построеній, неизбежно субъективныхъ, но необходимыхъ при всей своей субъективности.

Территоріальныя границы работы расширены. Перейдя къ нѣмецкому и французскому матеріалу, авторъ усмотрѣлъ въ немъ тѣ же черты религіозности, что и въ Италіи. Тѣмъ не менѣе онъ не рѣшился расширить заглавіе, частью потому, что имъ непосредственно использованъ не весь матеріаль, частью потому, что боялся оказаться въ положеніи апологета, доказывающаго для Германіи и Франціи то, что найдено въ Италіи, и невольно утратившаго нужную остроту и свободу взгляда. Поэтому нѣмецкій и французскій матеріаль должны лишь пояснять и дополнять италіанскій, вмѣстѣ съ тѣмъ указывая на аналогичныя явленія въ религіозности Средней Европы.

Авторъ высказываетъ свою глубокую благодарность принявшему его трудъ въ свои «Записки» Историко-филологическому факультету Петроградскаго университета и всѣмъ тѣмъ, кто оказалъ ему то или иное содѣйствіе въ его работѣ. Съ особенною признательностью вспоминаетъ онъ о добрыхъ совѣтахъ и моральной поддержкѣ со стороны Александра Евгеньевича Прѣснякова и приноситъ глубокую сердечную благодарность Николаю Петровичу Оттокару, въ постоянномъ общеніи съ которымъ создавалась эта книга.

Многое въ ней косвенно или прямо вызвано или опредѣлено его безкорыстнымъ дружескимъ вниманіемъ и острою критикой, поддержано его сочувствіемъ, и эти немногія слова лишь слабое и неполное выраженіе признательности автора.

Петроградъ.
27 апрѣля 1915 г.